

АНАЛИЗ РЫНКОВ ТРУДА В КАНАДСКОЙ СОЦИОЛОГИИ¹

Майкл Р. Смит

Перевод Е.С. Фидри

Научное редактирование – М.С. Добрякова, В.В. Радаев

В данной статье рассматриваются четыре основных вопроса в рамках канадского социологического анализа рынка труда: 1) различное качество занятости в разных группах; 2) общие тенденции изменения качества занятости и распространенности безработицы, часто связываемые с глобализацией и технологическим развитием; 3) последствия относительной зависимости экономики от добычи полезных ископаемых; и 4) сопоставление характеристик канадского и шведского рынков труда, чаще не в пользу первого. Утверждается, что хотя эти вопросы вызвали множество полезных исследований, полученные выводы зачастую оказывались необоснованно пессимистичными.

Все исследования и публикации канадских социологов, занимающихся изучением рынков труда, можно отнести к одной из двух крупных категорий². Первая включает исследования, проведенные канадцами на основе канадских данных и рассматривающие те же проблемы, что и в других странах. Основная масса этой работы посвящена изучению общесоциологического вопроса об относительном неравенстве [disadvantage]. Как мы увидим, у этих работ те же преимущества и недостатки, что и у аналогичных исследований, проводимых в США и других странах. Вторая категория объединяет исследования, рассматривающие особые характеристики канадского рынка труда, той политики и институтов, которые его сформировали и продолжают формировать. Многие из этих работ, особенно в английской Канаде, посвящены анализу различий между Канадой и США или же поднимают аналогичный вопрос: «Почему канадский рынок труда так не похож на рынок

---

¹ Переведено по: Smith, Michael R. *The Analysis of Labour Markets in Canadian Sociology*, *The American Sociologist* (Spring 2002). P. 105–125.

² В задачи данной статьи не входит анализ того, что такое «социологические» исследования. Как правило, здесь под этим подразумевались работы людей, обучавшихся социологии, работающих в социологических исследовательских организациях и/или преподающих на факультетах социологии. Но в некоторых отношениях такое определение оказывается чересчур ограниченным. В частности, как указал У. Клеман, канадская традиция политэкономии объединяет социологов, политологов и некоторых экономистов, изучающих и вместе обсуждающих общие вопросы [Clement 2001]. Следовательно, анализируя статьи, опубликованные, к примеру, в журнале «*Studies in Political Economy*», и другие работы авторов этого журнала, я иногда буду использовать расширенное определение «социологического». Я также ссылаюсь на работы исследователей из других отраслей знания, если их данные представляют интерес в данном контексте.

труда какой-нибудь социал-демократической страны, например, Швеции?»³ Конечно, такое различие между общим и специфичным не является жестким. Некоторые исследования можно отнести к обеим категориям. Тем не менее, ниже я сначала опишу канадский подход к тому, что я называю *стандартными проблемами* рынков труда, а затем перейду к анализу причин, которые привели к формированию отличительных особенностей канадского рынка труда.

Стандартные проблемы

Кто получает лучшую работу?

В Канаде, как и везде, определенные категории населения имеют работу хуже, чем у остальных. Если выбрать единственный критерий оценки, то наилучшим здесь, пожалуй, будет заработная плата. Но зарплата и прочие характеристики занятости зачастую являются следствием принадлежности к определенной профессиональной группе. Традиционным вопросом канадской социологии (на обоих языках) было сопоставление качества рабочих мест, занимаемых канадцами французского и британского происхождения. Франко-канадцы, в среднем, имели работу более низкого качества [Porter 1965: 91-98; Canada 1967]. Это наводит на два вопроса: «Почему существует такая разница в качестве занятости, включая зарплату?» и «Какие здесь происходят изменения?». Отчасти это различие в оплате труда связывалось с разными уровнями образования, т.е. объяснялось в терминах человеческого капитала. Однако серьезные различия оставались и после учета образовательного фактора. Теперь же, что удивительно, они полностью исчезли. В Квебеке нет никакой разницы в оплате труда англоговорящих и франкоговорящих работников, помимо той, что объясняется образованием [Vaillancourt 1988: 157-159]. Такая же картина и на национальном уровне [Lian and Matthews 1998]⁴.

Так что интерес переключился на две другие категории населения: видимые меньшинства [visible minorities] (особенно иммигранты) и женщины. Женщины получают в среднем меньше, чем мужчины, но разрыв стал меньше [Guppy 1989; Fillmore 1999: 280-281; Davies, Mosher, and O'Grady 1996; Armstrong and Armstrong 2001: 41]. Почему он стал меньше? Во-первых, профессиональная сегрегация по половому признаку стала уменьшаться [Fox and Fox 1987]. Во-вторых, уровень образования женщин стал, как правило, таким же, как у мужчин [Geschwender and Guppy 1995: 71-72; Wanner 1999]. Чем объясняются все же остающиеся гендерные различия? Один из факторов – те виды работ, которыми обычно заняты женщины. Женщины по-прежнему работают в традиционно женских сферах занятости, многие из которых относительно низко оплачиваются [Fillmore 1990: 283-285; Fox and Fox 1986]. Вторым фактором, согласно некоторым оценкам, является то, что, когда женщины приходят на новую работу, их ожидания относительно уровня зарплаты ниже, чем у мужчин, возможно, потому, что они получали меньше на предыдущей работе [Desmarais and Curtis 1997]. Третий фактор (хотя данных, подтверждающих его, не так много), заключается в меньшей эффективности [return] образования у женщин [De Sève and Carter

---

³ Интересно, что сравнения с экономической историей Австралии могут быть более поучительными, чем с историей Швеции или США, поскольку Австралия и Канада обладают двумя важными сходными чертами: 1) обе они были британскими колониями и 2) добыча природных ресурсов была и остается чрезвычайно важным источником их ВВП. Тем не менее, в их торговой политике существуют и важные различия. В частности, канадская торговая политика раньше переключилась с Великобритании на другие страны, чем австралийская [Pomfret 2000; Rooth 2000].

⁴ В целях экономии места ниже я не буду описывать отдельно исследования дохода и исследования заработка, хотя во многих случаях такое разделение важно.

1980]. Четвертый фактор – человеческий капитал: у женщин он по-прежнему меньше, чем у мужчин. В частности, необходимость воспитания детей ведет к уменьшению опыта работы женщин [Boyd 1986; Cook and Beaujot 1996]. Наконец, возможна и дискриминация со стороны работодателей.

Здесь канадские исследователи сталкиваются с теми же проблемами, что и их американские коллеги. Средняя зарплата мужчин выше, чем у женщин. Разрыв сокращается, если мы вводим в анализ ряд контролирующих факторов (образование, опыт работы, возможно, – спрос на определенные навыки). Однако разрыв все равно остается. Чем же его объяснить? Существует соблазн приписать его дискриминации. Но такое утверждение требует как отсутствия ошибки измерения, так и полной уверенности, что все релевантные факторы учтены. Однако в большинстве исследований это совершенно невозможно. Особенно это касается исследований, охватывающих широкий спектр профессий. Такие исследования редко используют адекватные инструменты изменения спроса на профессии. Эта проблема поднимается, по крайней мере, в нескольких американских исследованиях; фиксируется она и в недавней работе М. Бьюдига и П. Ингланда, однако решения не предлагается [Budig and England 2001: 220].

Одним из способов сокращения влияния неизмеряемых факторов, в том числе и различия в спросе, является анализ отдельной профессии. Так, например, в своей весьма интересной статье М. Орнстейн и П. Стюарт тщательно описывают различия в оплате труда канадских университетских преподавателей – мужчин и женщин [Ornstein and Stewart 1996: 461–482]. Авторы обнаружили, что после учета таких переменных, как «возраст, ученая степень, звание, временной анализ карьеры [career timing]⁵, область деятельности, место работы и производительность труда», разница в оплате труда между мужчинами и женщинами составляет не более 3%, причем, похоже, и она вскоре исчезнет [Ornstein and Stewart 1996: 474]. Орнстейн и Стюарт интерпретируют полученные результаты двояким образом. Во-первых, они считают эту разницу саму по себе свидетельством дискриминации и пытаются обосновать этот вывод, по возможности, исключив вероятность ошибки измерения [р. 470]. Во-вторых, они утверждают, что факторы, которыми объясняется разница в оплате труда – например, звание, – сами являются следствием дискриминации: по их мнению, женщины имеют меньше шансов на продвижение по службе. Обе интерпретации возможны – но не более того. Измерение авторами производительности труда преподавателей вызывает сомнения (измеряется количество, но не качество публикаций). Из категории «областей деятельности» похоже, не выделяют экономику и менеджмент – безусловно, более высокооплачиваемые сферы, в которых, видимо, мужчины составляют большинство. И авторы скорее просто утверждают, что процесс карьерного продвижения носит дискриминационный характер, нежели доказывают это конкретными данными.

Очевидно, что в Канаде, как и везде, главным фактором, ведущим к более низкому уровню оплаты труда женщин, является (помимо занятости на специфически женских позициях) прерывание карьеры вследствие отпуска по уходу за ребенком. К. Робсон и Дж. Уоллес также обращаются к анализу отдельной профессии (юриста) и не обнаруживают никаких различий в заработках юристов-мужчин и женщин после учета всех значимых переменных: продолжительности рабочего дня, опыта работы и профессиональной специализации [Robson and Wallace 2001]. Женщины-юристы зарабатывают меньше, потому что в среднем они работают меньше, чем их коллеги-мужчины, у них меньше опыта; предположительно это в значительной степени связано с их обязанностями по уходу за детьми. Это можно рассматривать как свидетельство неудачи юридических фирм адаптировать свои обычные

---

⁵ «Временной анализ карьеры» [career timing] включает возраст, когда преподавание стало основным занятием индивида, продолжительность преподавания в других университетах, продолжительность занятости на младших должностях и продолжительность работы в должности, которую человек занимал на момент исследования.

практики к особым нуждам женщин. Ф. Кэй и Дж. Хэген приводят именно этот аргумент [Kay and Hagan 1998: 741]. Такая интерпретация, однако, поднимает проблемы трудозатрат и качества работы, – проблемы, которые, несомненно, нельзя не учесть.

Исследователи заработков женщин в Канаде, следовательно, сталкиваются с теми же интерпретативными трудностями, которые характерны для аналогичных исследований во всем мире: вычисление дискриминации по остаточному принципу является принципиально неудовлетворительным, а положение женщин на рынке труда в итоге серьезно зависит от их выбора в отношении характера и сферы занятости, а также ухода за детьми, которые, в свою очередь, подвергаются социальному давлению. Последнее само по себе можно рассматривать как форму дискриминации. Но необходимо отличать его от дискриминации, проявляющейся в действиях работодателей⁶.

Видимые меньшинства [visible minorities] и иммигранты, как правило, также получают меньше. Разница сохраняется даже с учетом фактора образования [Lian and Matthews 1998; см. также: Li 1988; Canadian Council on Social Development 2000]. В этом случае, конечно, есть основания говорить о дискриминации. Существуют достаточно очевидные доказательства дискриминационного поведения в отношении видимых меньшинств. Наиболее известной работой по данной проблеме является классическое исследование Ф. Генри и Э. Гинзберга [Henry and Ginsberg 1985]. В качестве эксперимента они отправляли белых и не белых исследователей с одинаковой квалификацией по объявлениям о вакансиях, публикуемых в газетной рубрике «Требуется». Попытки белых исследователей значительно чаще оказывались успешными. Следовательно, в этой выборке (где преобладали профессии в сфере торговли) имеют место предубеждения и дискриминация. Более того, данные некоторых экспериментов указывают на более общую тенденцию, согласно которой белые работники считаются более квалифицированными, чем не белые [Foschi and Buchan 1990].

Канадская модель иммиграции, сложившаяся в последние десятилетия, показывает, что между статусом не белого человека и статусом иммигранта много общего. Возможно, вся разница [в качестве занятости] между белым и не белым объясняется характерными особенностями иммигрантов – в том числе является следствием недостаточного владения английским или французским языком или же сильного акцента. Наиболее тщательно этот вопрос исследовался А. де Сильвой [de Silva 1992]. Он обнаружил, что: 1) иммигранты обычно зарабатывают меньше не иммигрантов; 2) если учесть факторы образования и опыта работы, то разница в оплате труда сокращается; 3) если *иммигрант получил все или часть своего образования за пределами Канады и/или прежде работал также не в Канаде*, то и отдача от образования [return] оказывается меньше, чем у тех, кто родился в Канаде; 4) если *иммигранты все свое образование получили в Канаде и работали в Канаде*, то различий в отдаче от образования между ними и урожденными канадцами нет; 5) с учетом всех факторов различия в заработке оказываются связанными со страной происхождения только для представителей двух групп – иммигрантов из стран Карибского бассейна и Восточной Азии, все прочие не белые иммигранты такой дискриминации не испытывают⁷. Де Сильва заключает: «полученные данные опровергают точку зрения, согласно которой иммигранты

---

⁶ Не утративший своей актуальности анализ этого вопроса в терминах дискриминации до выхода на рынок и на рынке труда см. в работе: [Phelps Brown 1977].

⁷ П. Ли провел аналогичный анализ, пытаясь проверить гипотезу де Сильвы. Основной его тезис заключался в том, что образование, полученное за рубежом, является негативным фактором для уровня оплаты труда только для иммигрантов, но никак не для урожденных канадцев. Мне представляется, что это замечание не особенно по существу. Вопрос здесь заключается в интерпретации квалификации. Возможно, большинство урожденных канадцев учились в США или Европе – т.е. в странах, где интерпретация качества полученного образования/ученой степени, как правило, не вызывает трудностей [Li 2001].

подвергаются систематической дискриминации по причине цвета их кожи» [de Silva 1992: 34]. К аналогичным выводам, как пишет де Сильва, приходит и Ф. Генри: используя тот же метод, что и в работе Ф. Генри и Э. Гинзберга [Henry and Ginsberg 1985], он обнаружил, что негативное влияние на шансы при приеме на работу оказывает не столько цвет кожи, сколько *акцент*.

Все это позволяет предположить, что более низкий уровень оплаты труда не белых работников в значительной степени объясняется: 1) более низким уровнем образования иммигрантов [Reitz 1998]; 2) нежеланием работодателей нанимать сотрудников с сильным акцентом; 3) тем фактом, что работодатели – справедливо или нет – как правило, не доверяют опыту работы и/или образованию иммигрантов уже в Канаде. Таким образом, дело здесь не в том, что работодатели склонны за одну и ту же работу платить не белым работникам меньше. Детальное исследование практик найма и продвижения по службе, выполненное в крупной фирме в Торонто, подтверждает этот вывод. Р. Бернارد и М. Смит выявили, что представителей видимых меньшинств обычно нанимают на более низкие позиции, чем те, что соответствуют их формальной квалификации и опыту работы, однако впоследствии эти работники так же продвигаются по служебной лестнице, как и все прочие [Bernard and Smith 1991]. Более того, некоторые данные указывают на то, что их последующее карьерное продвижение даже более стремительно, чем у их коллег, не принадлежащих к меньшинствам.

Почти все канадские социологические исследования, посвященные тому, кто какую работу получает, недвусмысленно нацелены на выявление неравенства, в том числе дискриминации. Однако данные, как правило, показывают, что: 1) всякие дискриминационные различия между канадцами французского происхождения и канадцами британского происхождения исчезли; 2) профессиональная сегрегация по половому признаку постепенно сокращается; 3) не белые работники, имеющие такие же дипломы об образовании и такие же трудовые биографии, зарабатывают, как правило, столько же, сколько и белые. Более того, выводы о дискриминации при определении оплаты труда женщин опираются на методологически уязвимую базу – *остаточный принцип*. Несомненно, дискриминация имеет место [убедительные данные о дискриминации в отношении иммигрантов см.: Li 2000]. Однако все эти социологические исследования позволяют сделать на удивление оптимистичный прогноз (хотя к такому выводу едва ли можно прийти, читая сухие тексты отчетов по исследованиям⁸). Ситуация оказывается еще более обнадеживающей, если мы вспомним, сколько вопросов в этих исследованиях оставлено без внимания. Мы знаем, что было время, когда евреи подвергались систематической дискриминации в доступе к образованию и занятости. Мы знаем также, что какой бы дискриминации они ни подвергались, скажем, к течению первой половины XX в., их последующая ситуация в профессиональной сфере и их заработки ныне не предполагают и тени дискриминации [Weinfeld 2001] – что служит ярким примером возможностей преодоления дискриминации в условиях относительного открытого канадского общества. Я предполагаю, что в США такая же картина.

Структура рынка труда: улучшение или ухудшение?

Канада и другие страны ОЭСР имеют общую технологическую и международную среду. Произошла революция в сфере информационных технологий, а также ряд изменений, объединенных общим названием «глобализация»: интенсификация торговли, увеличение экономической значимости прямых инвестиций, так называемые потоки «горячих денег» [‘hot money’ flows]. Канадские социологи, как и социологи других стран, весьма пессимистично оценивают эти изменения. Считается, что развитие технологий и

---

⁸ См., например, работу об относительном улучшении профессиональных возможностей женщин, написанную просто-таки сквозь зубы [Armstrong and Armstrong 2001: Ch. 2].

глобализация сокращают число рабочих мест, при этом остающиеся рабочие места поляризуются на относительно небольшую долю хорошо оплачиваемых мест и растущее число низко оплачиваемых; профсоюзы теряют свои позиции; занятость становится менее защищенной социально, поскольку работодатели стремятся к гибкости – как следствие, распространяются безработица, частичная занятость, временная занятость и самозанятость [см., например: Teeple 1993: 64–67; 113–117; Marchak 256–263; Veltmeyer and Sacouman 1998; Broad 2000].

Ныне несложно найти примеры работников, чей статус в сфере занятости весьма непрочен [Fox and Sugiman 1999; Menzies 1993]; привести примеры сокращений, которые стали следствием технологических изменений или конкуренции с иностранными фирмами [Corman 1990; Wall 1994; Leach and Wilson 1995, 1999]; обнаружить инициативы управленцев, нацеленные на изменение условий труда работников совершенно вопреки желаниям последних [White 1990, 1993]; рассказать о поражениях тех или иных профсоюзов [Noël and Gardner 1990; Panitch and Swartz 1993]. Другой вопрос – что же все эти данные *обозначают*.

Да, имела место непрочная занятость⁹. Наиболее яркие примеры – сельскохозяйственные и портовые рабочие. Однако сельскохозяйственных рабочих, составлявших важную часть канадской рабочей силы в 1950-е гг., практически нет в нынешней переписи, а у портовых рабочих сейчас относительно надежная занятость. Как замечает Б. Лич, гибкие механизмы в сфере занятости – отнюдь не новость для легкой промышленности [Leach 1993]. Количественные данные о тенденциях в сфере занятости и о продолжительности безработицы позволяют предположить, что занятость не стала более нестабильной – по крайней мере в период, охватываемый исследованиями¹⁰. Отдельные случаи потери работы также едва ли являются свидетельством общего процесса сокращения числа рабочих мест в результате технологических изменений или глобализации. Таким образом, имеет смысл рассмотреть последствия технологических изменений и глобализации более подробно.

Технологические изменения влекут за собой сокращение числа рабочих мест? Великолепное исследование М. Карноя показывает, что в последние десятилетия технологические изменения как раз способствовали росту занятости, а также что ситуация в сфере занятости в странах, инвестирующих в технологии меньше, ничуть не лучше, чем в странах, инвестирующих в технологии больше [Carnoy 2000: 20-38]. Означают ли технологические изменения менее равномерное распределение рабочих мест, сокращение числа уровней квалификации? Видимо, нет. Имеющиеся данные показывают, что после войны квалификация работников в целом повысилась незначительно [Myles 1988a; Boyd 1990], не так много изменений связано и с компьютеризацией [Hughes and Lowe 2000]. Эти данные следует интерпретировать с предельной осторожностью. Например, Дж. Майлс делает вывод о повышении уровня квалификации на основании классификации профессий, принятой в «Канадском словаре профессий» [Canadian Classification and Dictionary of Occupations] (аналог «Словаря профессий США» [Dictionary of Occupational Titles]). Однако эти данные имеют свои недостатки: их периодические обновления затрудняют сравнительный анализ за разные периоды времени; кроме того, есть основания полагать, что и сама классификация не лишена недостатков – например, в ней значительно больше данных по видам деятельности, которыми занимаются преимущественно мужчины, нежели по видам деятельности, которыми занимаются преимущественно женщины¹¹. Нельзя полагаться и на субъективные измерения спроса на определенные навыки или изменения в этом спросе (это хорошо показано в двух статьях Б. Рассела [Russel 1995, 1997]). Самым разумным выводом из всех

⁹ Подробнее эта проблема рассматривается в: [Smith 1999a].

¹⁰ Блестящий детальный анализ тенденций в сфере нестабильной занятости в США (едва ли свидетельствующий об ухудшении ситуации) см. в работе: [Neumark 2000].

¹¹ См.: [Cain and Traiman 1981; Betcherman 1991: 96].

имеющихся исследований в этой сфере представляется вывод о том, что данных о общем понижении квалификации канадских работников нет, скорее есть данные, свидетельствующие об обратном¹².

Что касается глобализации, то ее последствия для Канады хорошо видны на примере Канадо-Американского соглашения о свободной торговле [FTA], действующего с 1989 г., и Североамериканского соглашения о свободной торговле [NAFTA] (в которой также входит Мексика), действующего с 1994 г.¹³ Оба эти соглашения снизили таможенные пошлины, ограничили возможности правительства навязывать правила импорта или экспорта товаров, потребовали контроля качества товаров на уровне государства (например, канадские стандарты контроля качества детской одежды действуют и в отношении детской одежды, импортируемой из США), предоставили возможности государственных поставок фирмам из других стран, подписавших данные соглашения, обеспечили национальный контроль за инвестициями и услугами, не оговоренными специальными положениями, увеличили доступность финансовых институтов и установили порядок разрешения коммерческих конфликтов. Учитывая удельный вес сферы торговли в канадской экономике, а также значимость инвестиционных потоков между Канадой и США, данные соглашения служат хорошим примером влияния на канадский рынок труда изменений, обычно объединяемых понятием «глобализация».

М. Смит детально исследует этот вопрос [Smith 2001a]. После подписания FTA совокупный уровень занятости понизился, а уровень безработицы повысился. Однако то же произошло и в других странах. Следовательно, это объясняется, скорее, общим экономическим спадом, а не вступлением в силу данного соглашения. NAFTA было подписано в период экономического роста, и после вступления его в силу уровень безработицы продолжал понижаться, а уровень занятости – по-прежнему рос. Однако после подписания FTA уровень занятости *действительно* понизился в связанном с торговлей секторе производства, и экономический спад наблюдался в отраслях, где таможенные пошлины были понижены более всего. Соглашение *действительно* имело негативные последствия для занятости. Однако в целом они были незначительными.

Вступление в силу данных соглашений не вызвало ни ухудшения качества рабочих мест, ни их поляризации. Более того, рабочие места, появившиеся в результате соглашений, были, как правило, лучшего качества, нежели те, что оказались уничтожены. Причина – в росте торговли, к которому привели данные соглашения. Виды деятельности, связанные с торговлей, обычно требуют более высокой квалификации, чем те, что не связаны с торговлей [см. Trefler 1999]. Более того, в целом с середины 1980-х гг. до середины 1990-х гг. в Канаде не произошло увеличения неравенства; не случилось и «поляризации» – несколько иного явления, нежели неравенство [см. Wolfson and Murphy 1998]¹⁴.

Наконец, о положении канадских профсоюзов. Можно привести (как это сделали Л. Панич и Д. Шварц [Panich and Swartz 1993]) длинный перечень федеральных и региональных

---

¹² При этом экономисты намного чаще делают вывод о том, что уровень квалификации в целом повысился. Обзор таких исследований см. в работе: [Smith 1999d, 2001c]. Даже Д. Ливингстоун, известный своим пессимистическим взглядом на вещи, признает, что после войны произошло некоторое повышение общего уровня квалификации [Livingstone 1999].

¹³ См. важные работы по этому вопросу: [Lipsev and York 1988; Lipsey, Schwanen, and Wonnacott 1994].

¹⁴ Точнее, измерение неравенства сосредоточено «на относительном уровне дохода в широком диапазоне», а поляризация «показывает, скорее, долю населения на концах континуума» [Beach, Chaykowski, and Slotsve 1977: 135–137].

правительственных законодательных актов, нацеленных на вмешательство в процесс свободных переговоров, особенно это касается занятости в общественном секторе. Вопрос о том, являются ли эти акты оправданными, выходит за рамки данной работы. *Здесь* нас интересует продолжительная тенденция консолидации рабочего движения. Организованная рабочая сила всегда то терпела поражения, то одерживала победы. Указывают ли данные исследований на устойчивую тенденцию ослабления позиций рабочей силы, связанную с глобализацией или новыми технологиями? Нет [Smith 1999a: 205–206; Smith 2001a: 31–34]. С начала 1970-х гг. членство в профсоюзах значительно увеличилось, численность профсоюзов тоже постепенно росла до начала 1990-х гг. и с тех пор оставалась практически неизменной. Нельзя сказать, что профсоюзы более многочисленны в отраслях, связанных со сферой услуг, – т.е. там, где возможности рабочей силы (организованной или нет) вести переговоры считаются более ограниченными. Наиболее многочисленные, сильные и эффективные профсоюзы в Канаде сосредоточены в сферах производства, государственного управления, образования, строительства, здравоохранения и социального обеспечения.

Более того, данные позволяют предположить, что относительное влияние организованной рабочей силы определяется не технологией или глобализацией, а политической средой – в частности, на региональном уровне. Новая демократическая партия (которую в общем и целом можно назвать социалистической) пришла в власти в провинции Онтарио в 1990 г., вскоре после подписания ФТА, и в 1993 г. утвердила законодательство, составленное однозначно в пользу организованной рабочей силы. Помимо прочего, она расширила возможности коллективных договоров, укрепила права профсоюзов в случае перехода предприятия другому владельцу, сделала увольнение членов профсоюза более сложным и ускорила процесс аттестации. Все это, однако, было отменено, когда партия проиграла на выборах явно более консервативному Прогрессивному Консервативному правительству. Несложно показать аналогичные перемены в политике и на примере Британской Колумбии, где правление также переходило от левых к правым.

Канадские социологи хорошо описали примеры сокращений, нестабильной занятости и поражений профсоюзов. Как и их американские коллеги, многих из них склонны связывать эти явления с общей тенденцией увеличения нестабильности и поляризации на рынке труда. Однако данные других социологов далеко не всегда подтверждают такие выводы¹⁵. Неуклюжие социологические инструменты представляют улучшение положения депривированных слоев как ухудшение.

Особенности канадского рынка труда

Последствия ориентации на добычу природных ресурсов

Природные ресурсы многое объясняют. Как и другие территории поселения европейцев, Канада на протяжении всей своей экономической истории была наделена огромной по площади землей и ресурсами, которые дает эта земля, при этом объемы капитала и рабочей силы были невелики. Изобилие земли означало, что хозяйственная деятельность была ориентирована на экспорт природных ресурсов, которые могла дать эта земля, – пушнины, рыбы, леса и минералов. Необходимый для этого капитал предоставлялся иностранцами. Численность рабочей силы увеличивалась в результате иммиграции. Так называемый ресурсный подход [staples approach] демонстрирует последствия привлечения иностранного капитала [см. Bertram 1963; Watkins 1963].

Во-первых, утверждается, что поскольку инвестиции осуществляются за счет иностранного капитала, хозяйственная структура также формируется под влиянием предпочтений

---

¹⁵ О том, почему глобализация не обязательно ведет к негативным последствиям, которые ей приписывают, или по крайней мере, масштаб их не так велик, см.: [Smith 2001b].

иностранного капитала. Последний стремится получить ресурсы и обработать их в другой месте. В результате в экономике оказываются недостаточно развиты связи между поставщиками и покупателями [backward and forward linkages]: средства производства предоставляются инвестирующей страной, в которой на основе канадского сырья и производятся потребительские товары [Watkins 1989: 20–21, 1997: 22–23]. Во-вторых, местное канадское производство могло само финансировать добычу ресурсов. В сочетании с относительной слабостью производства это привело к формированию господствующего класса капиталистов, ориентированного преимущественно на финансы [Naylor 1975: 278–279] и, в частности, на финансирование железных дорог, имеющих принципиальное значение для добычи ресурсов [Clement 1977: 50]. В-третьих, этот финансовый класс привык инвестировать капитал с достаточно низким риском. В результате, при финансировании производственных инвестиций они, как правило, избегали инвестиций в более мелкие, более рискованные предприятия местных капиталистов, предпочитая иметь дело с более крупными и более надежными прямыми американскими инвесторами [Clement 1977: 292–293]. В-четвертых, слабость канадского капитализма, вызванная зависимостью от природных ресурсов, привела к формированию государства, достаточно откровенно ориентированному на вмешательство в экономику, – в частности, в сфере финансирования транспортной инфраструктуры, необходимой для добычи ресурсов [Aitken 1959]. Более того, таможенные пошлины, установленные в рамках Национальной политики 1879 г.¹⁶, можно интерпретировать как попытку федерального правительства преодолеть фундаментальную слабость канадского производства [Clement 1977: 51–52; Williams 1991: 185–186]. В-пятых, таможенные пошлины, установленные в рамках национальной политики, в сочетании со слабостью отечественного производства, привели к тому, что американские производители начали открывать филиалы своих заводов в Канаде и поставлять продукцию на канадский рынок, что опять вызвало горестные замечания по поводу состояния отечественного производства [см., например: Levitt 1970].

Представим на секунду, что все вышесказанное – правда (и не будем учитывать относительную значимость данных факторов, по поводу которой даже велось немало дискуссий): какие же последствия могли иметь эти факторы для канадского рынка труда? В литературе мы находим следующие ответы.

1. Существует так называемая «ресурсная ловушка» [staples trap] [Waktins 1963: 63]. Иностранцы ориентированы на использование ресурсов для своих, т.е. зарубежных рынков, их не интересует состояние отечественного рынка. Это означает

---

¹⁶ Так называемая Национальная политика была введена в 1897 г. премьер-министром Канады Джоном А. Макдональдом. Строго говоря, под Национальной политикой понималась совокупность таможенных пошлин, призванных защитить канадских производителей и укрепить статус Канады как индустриальной державы. Правительство считало установление высоких пошлин необходимым для того, чтобы заменить существующие торговые векторы север–юг новыми векторами восток–запад. Предполагалось, что это позволит создать национальный рынок и приведет к устойчивому росту экономики. Чаще всего термином «национальная политика» обозначают более общие действия правительства, нацеленные на превращение западных территорий в сплоченное политическое и экономическое образование. Это предполагало развитие транснациональной системы железнодорожного сообщения и развитие поселений на западе страны: промышленные товары должны были привозиться с Востока, а продукты питания – с Запада, что, конечно, требовало достаточной заселенности западных территорий. *Прим. ред.*

Подробнее см.: http://www.ucalgary.ca/applied_history/tutor/calgary/natpolicy.html

меньшие темпы экономического роста и более низкий уровень зарплаты на отечественном рынке, чем те, что были бы в ситуации, когда им занимались бы отечественные предприниматели [см., например: Drache 1984: 52–53]¹⁷.

2. Добыча ресурсов становилась все более капиталоемкой, что привело к вытеснению [displacement] значительного числа канадских рабочих [Clement 1989: 46].
3. Основанные на добыче ресурсов отрасли промышленности, как правило, в высшей степени цикличны. В результате, занятость многих канадских работников оказывается нестабильной – вследствие ли их работы на позициях, связанных с добычей ресурсов, или в силу мультипликативного эффекта спада в ресурсодобывающих отраслях [Clement 1989: 46].
4. Периодические значительные спады, вызванные кризисами цен на природные ресурсы, привели к регулярным сокращениям. Это препятствовало процессу укрепления профсоюзов [Drache 1984: 51–52].
5. Последовательная эксплуатация природных ресурсов является *одной* из причин фрагментации рынка труда, препятствующей формированию «культуры свободного рабочего класса»: дело и в уникальности опыта при работе с конкретным видом ресурсов, и в том, что добыча ресурсов была связана с волновой иммиграцией, что создавало серьезные препятствия на пути организации рабочего класса [Drache 1984: 46; см. также: Phillips 1989: 79].
6. Наконец, развитие производства в форме филиалов заводов, принадлежащих американцам, способствовало распространению американских профсоюзов, с их специфической деловой ориентацией [Phillips 1989: 80].

Все это – вполне правдоподобные аргументы. Что, однако, не означает их справедливости. Располагают ли канадские социологи данными, подтверждающими их? Убедительны ли эти данные?

Есть серьезные доказательства того, что на территориях, занятых преимущественно добычей ресурсов, особенности технологии добычи и обработки этих ресурсов оказывают существенное влияние на местные рынки труда. Это хорошо демонстрируют результаты исследований, проведенных в Британской Колумбии. Пионерное исследование городов, построенных вокруг добычи леса (и, как правило, расположенных вдалеке от мест проживания людей), показывают, что основное разделение труда в этих городах связано с гендером: мужчины заняты на производстве, на позициях, требующих высокой квалификации, или управленческих должностях, а женщины работают в сфере услуг, на вспомогательных конторских позициях, редко – заняты работой, требующей высокой квалификации [Marchak 1983]. В среднем для мужчин уровень образования не является определяющим фактором дохода – в отличие от профессиональной квалификации [р. 133]; на уровень дохода влияет также возраст, и после 54 лет наблюдается некоторый спад уровня доходов [р. 143]. Качество занятости, как правило, зависит от работодателя: на крупных целлюлозно-бумажных фабриках, особенно принадлежащих иностранцам, занятость обычно относительно надежна и продолжительна; в мелких деревоперерабатывающих фирмах и на лесопилках занятость менее стабильна [pp. 183–184; 188–191], а уровень текучести более высок [р.191]. П. Маршак заключает, что «в лесной промышленности, так же, как и в угледобыче, истощение ресурсной базы в конечном итоге ведет к ухудшению положения

---

¹⁷ Данная точка зрения критикуется в работе: [Caroll 1986: 24–31].

зависящих от них сообществ [p. 323], вплоть до распада последних [см. также: Marchak, Aycok, and Herbert 1999: ch. 5]¹⁸.

Здесь есть общие моменты с ситуацией в рыбной промышленности на Западном побережье. Формальное образование едва ли играет сколь-либо значимую роль для рыбаков (большинство из которых – мужчины), и поэтому они не стремятся его получить. Однако рыболовство – сезонное занятие, и более образованные легче найдут работу в межсезонье. Остальные (большинство), как правило, полагаются на пособие по безработице [Guppy 1987a: 178-180]¹⁹. Рыбообрабатывающие занятия на берегу также носят сезонный характер и выполняются и мужчинами, и женщинами – при этом сохраняется заметная гендерная сегрегация. Женщины обычно заняты на более низко оплачиваемых позициях [Guppy 1987b]. Что касается уровня экономической активности, то рыбацкие сообщества демонстрируют те же проблемы нестабильности и спада, что и предприятия, связанные с лесопереработкой [Pinkerton 1987]. Отличие лесоперерабатывающей промышленности – в том, что внутриотраслевые деления затруднили формирование профсоюзов, которые охватывали бы всю отрасль. Рыбаки же делятся на владельцев лодок и наемных работников, деление (в том числе и береговых работников) проходит также и по этническому признаку. Особенно заметно деление на коренное население и приезжих [Marchak 1987].

Эти исследования позволяют предположить, что добыча ресурсов формирует сообщества, в которых женщины занимают экономически маргинальные позиции, формальное образование менее важно, чем профессиональные навыки, а занятость, как правило, нестабильна. Для специальностей, предполагающих выполнение мелких операций с низкой капиталоемкостью (например, при работе на лесопилках или рыбоперерабатывающих заводах), занятость обычно нестабильна в течение всего производственного цикла. На крупных, капиталоемких [heavily capitalized] бумажных фабриках с сильными профсоюзами занятость, как правило, стабильна на протяжении всего производственного цикла, однако в долгосрочном периоде ей грозит возможное истощение ресурсов, а также все более распространяющаяся тенденция к замене труда капиталом. Такая модель характерна и для угледобывающей промышленности [Clement 1981]. Следовательно, сегменты канадского рынка труда, непосредственно вовлеченные в добычу природных ресурсов, зачастую несут на себе отпечаток особенностей своего процесса производства.

Работы, в которых показано, как добыча ресурсов формирует региональную экономику, являются важным вкладом в развитие дисциплины (и здесь мы указали на работы П. Маршак и ее коллег). Однако теория «ресурсной ловушки» – это макроэкономическая теория. Есть ли у нас данные, подтверждающие, что выбор в сфере занятости оказывался ограничен этой «ловушкой»? Немного, но есть. Маршак пишет, что производство леса в Канаде сосредоточено на операциях, предполагающих низкий уровень прибавочной стоимости (правда, ситуация несколько изменилась в 1980-е гг.), и что доля канадских предприятий в производстве оборудования для данной отрасли ничтожна [Marchak 1983: 2–13, 1995: 62]. Однако присуща ли эта особенность (т.е. отсутствие связей с поставщиками и покупателями) другим отраслям, связанным с добычей ресурсов? Возможно ли, что эти характеристики, несомненно, свидетельствующие о зависимом положении ресурсодобывающих отраслей, в какой-то степени компенсируются сильными связями в других, не связанных с природными ресурсами отраслях?

У. Клеман и Г. Уильямс дают наиболее систематический социологический анализ вопроса [Clement and Williams 1997]. Они замечают, что: 1) среди канадских компаний-экспортеров

---

¹⁸ Аналогичные результаты, но полученные совершенно другими методами, мы находим в работах по Новой Шотландии. См.: [Apostle, Clairmont, and Osberg 1985a, 1985b].

¹⁹ Пособие по *безработице* [unemployment insurance] теперь называется пособием по *занятости* [employment insurance].

преобладают компании, связанные с добычей природных ресурсов, причем многие из этих компаний принадлежат иностранному капиталу; 2) данная модель усиливается системой транспорта, специально предназначенной для облегчения экспорта ресурсов; 3) тем не менее, важную роль играет и автомобильная промышленность, составляющая значительную часть всего объема производственного экспорта. Авторы продолжают: «Неспособность к инновациям и экспорту выражается в относительно небольшой доле производства в канадском ВВП»; «в канадской структуре занятости доля производственных позиций меньше нормы», что «принижает трудовые издержки в сфере производства ресурсов по сравнению с торговлей промышленными продуктами» [Clement and Williams 1997: 54].

Разумеется, в действительности ничего подобного не происходит. Даже представленные ими данные не всегда подтверждают их выводы. К примеру, данные показывают, что Канада, по сравнению с Японией, Германией, Швецией и США, характеризуется меньшей долей производства в ВВП, а также меньшей долей занятости в сфере производства в общей структуре занятости. По сравнению с Германией различия достаточно велики в обоих случаях. Однако по сравнению с США и Швецией в последнее время (1989 г.) различия были весьма невелики²⁰, причем они сокращаются! Это не подтверждает гипотезу «ресурсной ловушки» – но ничего не говорит и о «человеческих затратах», которые измеряются уровнем жизни, в целом связанным с качеством имеющихся рабочих мест. Занятость в сфере производства отнюдь не обязательно лучшего качества. По крайней мере, в одном исследовании описывается жизнь поселения (Форт МакМюррей), жители которого заняты преимущественно добычей природных ресурсов: ими недвусмысленно высказывалось пожелание улучшить качество занятости [Krahn and Gartrell 1983].

Как заметил У. Кэррос, Канада – богатая страна [Carroll 1986: 5]. На первый взгляд, средний уровень жизни населения позволяет предположить, что «ресурсная ловушка» (если она действительно имеет место) – не такая уж плохая ситуация для национальной экономики. На мой взгляд, в социологической литературе этот вопрос в целом изучен недостаточно. Однако данные по нему на самом деле *есть*. П. Дангэн показывает, что по сравнению с другими отраслями средний уровень оплаты труда в некоторых основных ресурсодобывающих отраслях Канады (угледобыче, добыче первичных металлов, производстве целлюлозы и бумаги) очень высок, и разрыв в этом отношении с другими отраслями продолжает увеличиваться [Dungan 1997: 30–34]. В условиях повсеместного вытеснения труда капиталом это именно то, что подсказывает неоклассическая экономическая теория. Производительность труда стремительно увеличивается, и вместе с ней растет уровень оплаты труда. Используя более строгие, чем Маршак, методы анализа (анализ вложений и отдачи [input-output analysis]), он также показывает наличие сильных связей с поставщиками в угледобывающей промышленности и промышленности, связанной с добычей первичных металлов [Dungan 1997: 142–144]. Связи с покупателями тоже достаточно развиты, хотя их влияние в канадской экономике уменьшалось по мере роста сферы услуг [Dungan 1997: 197]. По крайней мере, международные рынки в горнодобывающей промышленности оставались достаточно стабильными с 1950-х до начала 1970-х гг. (правда, затем они стали достаточно нестабильны) [Webb and Zacher 1988: 150–152]. В 1970-е гг. производительность труда в Канаде росла быстрее, чем в США; правда затем она несколько упала [Coulombe 2000: 20], равно как и уровень роста ВВП на душу населения [Fortin 1999: 8].

Таким образом, канадские отрасли промышленности, связанные с добычей и переработкой ресурсов, обеспечивают своим работникам прекрасный уровень жизни; связи с поставщиками и покупателями гораздо более развиты, чем это предполагают схематические описания М. Уоткинса и его единомышленников; по всей видимости, с начала 1970-х гг.

---

²⁰ Доля производства [output] составляет: 17,5% в Канаде, 19,7% в Швеции, 18,9% в США. В отношении занятости процентное соотношение следующее: 14,6% в Канаде, 18,9% в Швеции и 17% в США.

(когда цены на многие товары стали нестабильны, а канадская относительная экономическая ситуация ухудшилась) все это выражается достаточно хорошими совокупными экономическими показателями. Мы не будем здесь обсуждать причины ухудшения ситуации после 1970-х гг.; однако утверждение о том, что это произошло вследствие большой доли в хозяйстве сегмента, связанного с добычей ресурсов, следует считать в лучшем случае необоснованным. В конце концов, наличие каких бы то ни было *чистых* трудовых затрат [*net human costs*], вызванных интенсивной вовлеченностью Канады в ресурсодобывающие отрасли, не очевидно.

А каково влияние добычи ресурсов на активность профсоюзов? В Канаде они распространены значительно меньше, чем в большинстве других богатых капиталистических стран. Из 18 стран, по которым приводит данные Б. Уэстерн, Канада занимает шестое место снизу [Western 1997: 17]. Возможно, повлияла на ситуацию и иммиграция, связанная с добычей ресурсов (однако систематических исследований по данному вопросу мне неизвестно). Однако в то время как в большинстве богатых капиталистических стран плотность профсоюзов уменьшалась [Western 1997: 24], в Канаде она оставалась постоянной или увеличивалась [Smith 2001a]. Более того, можно предположить, что профсоюзы, представляющие интересы работников ресурсодобывающих отраслей, являются в Канаде самыми сильными. Некоторые данные в пользу такого утверждения приводит Дангэн. Он показывает, что в угледобыче, добыче первичных металлов, лесозаготовках и производстве бумаги относительная прибыль на труд значительно выше относительной прибыли на капитал – и именно такой ситуации можно ожидать при наличии сильных профсоюзов [Dungan 1997: 30–38].

В целом канадское рабочее движение значительно ослаблено сегментацией. Его ослаблению способствовало и распространение американских профсоюзов в Канаду. Например, в Квебеке действуют две крупных федерации профсоюзов, обычно жестко противостоящих друг другу. Одна связана с различными «международными» профсоюзами, а вторая – локальная, созданная специально в Квебеке в пику международным профсоюзам [Tremblay 1972]. Разрывы происходили и в рамках англоканадского профсоюзного движения [Laxer 1976: Ch. 13]. Однако другим серьезным источником расколов является языковое деление. Отношения между квебекскими и англоканадскими профсоюзами всегда были достаточно сложными, сотрудничество неразвитым, иногда возникали и открытые конфликты, которые так или иначе улаживались. Например, в начале 1970-х гг. Федерация рабочих Квебека [Fédération des travailleurs du Québec (FTQ)], куда входит подразделение квебекского международного профсоюза, получила значительную автономию от Общеканадской федерации – Канадского трудового конгресса [Canadian Labour Congress] [Gérin-Lajoie 1982: 240]. Так что представляется вполне правдоподобным, что ориентированная на добычу ресурсов структура занятости ослабила канадское рабочее движение. Однако я не знаю серьезных исследований, в которых рассматривалось бы (хотя бы в грубом приближении) влияние языкового деления и прочих факторов на добычу ресурсов.

Шведская сирена

Предыдущее обсуждение ресурсодобывающих отраслей опирается на наработки так называемой «канадской традиции политэкономии». У этой традиции есть ряд особенностей: она, как мы узнаем от одного практикующего социолога, «материалистична», «холистична» и «исторична»; ее «основное методологическое достижение заключается в том, чтобы представить противоречия и нестыковки в обществе как основу для социальных изменений и борьбы»; наконец, она «мотивирована узнать, как трансформируются общества» [Clement 2001: 406]. Все это – весьма интересные рассуждения.

Однако на практике это зачастую означало проведение параллелей со Швецией. В канадской политэкономии нередко раздаются возгласы сожаления о том, что Канада – это не Швеция.

Это сожаление принимает несколько форм. Канадские социологи весьма активно исследовали шведское общество в целом и шведские рынки труда в частности. В конце 1980-х гг. многие из этих работ были весьма оптимистичны. Хороший пример – работа Джона Майлса, в которой сравниваются неудовлетворительная работа социального государства в Канаде и в других англо-американских демократиях, с одной стороны, и в Швеции, с другой [Myles 1988b]. Более того, утверждается, что социальная щедрость Швеции ведет к лучшим экономическим показателям. В конце статьи Майлс называет низкий уровень безработицы и экономическую гибкость, связанную с использованием передовых технологий, основными индикаторами хорошей экономической ситуации, и утверждает, что она сложилась не «несмотря на работу социального государства, но благодаря ему» [Myles 1988b: 49]. Общая логика такова, что экономическая защищенность, присущая шведскому социальному государству (понимаемому в широком смысле), побудила рабочих объединиться с менеджерами и вместе добиваться более высокой производительности [см. также: Mahon 1987; Muszynski and Wolfe 1989].

Естественное продолжение этих выкладок – стремление выявить, где же Канада поступила неправильно. В своем оригинальном исследовании Роберт Лаксер утверждает, что роль добывающих отраслей для формирования канадской экономики преувеличена и что Швеция, география которой также, казалось бы, подталкивает к добыче и обработке ресурсов, избежала этой «ресурсной ловушки» [Laxer 1989]. Под влиянием модели Баррингтона–Мура Лаксер утверждает, что причина различия – в канадской классовой структуре. В Швеции есть политически влиятельная группа независимых фермеров. Фермеры, как правило, не доверяют банкам и тем самым ограничивают возможности последних в зарабатывании денег посредством выпуска ценных бумаг, что понижает интерес банков к финансированию отечественной промышленности. Фермеры также, как правило, поддерживают расходы на оборонную промышленность, которые в результате поддерживают отечественную промышленность. Канадское языковое деление не позволило сформировать столь же влиятельное фермерское движение.

Ну, а в начале 1990-х гг. от шведского хозяйственного автобуса, так сказать, отвалились колеса. После двух десятилетий относительно низких темпов экономического роста шведское правительство более не могло минимизировать уровень безработицы, следуя своей прежней тактике – т.е. вовлекая безработных в программы переподготовки и повышения квалификации²¹.

Вплоть до спада в начале 1990-х гг. канадские социологи, ориентированные на социальную демократию, ухитрились не замечать отсутствие роста шведской экономики. Однако когда к низким темпам роста добавился высокий уровень безработицы, воспевать шведскую модель стало затруднительно²². С этой проблемой столкнулись не только канадские социологи. Аналогичные хвалебные высказывания в адрес Швеции были весьма распространены [см., например, несколько эссе в работе: Goldthorpe 1984].

Удивляет то, что почти все «хвалебные» работы опираются на те же данные – агрегированные показатели уровня безработицы, неравенства, расходов правительства (правда, зачастую не учитываются значимые факторы темпов роста). Это все замечательно.

---

²¹ Об экономической ситуации в Швеции см.: [Lindbeck 1997]. Об использовании программ переподготовки и повышения квалификации для безработных [unemployable] см.: [Johannesson 1995; Blanchflower Jackman, and Saint-Paul 1995].

²² Интересную попытку проинтерпретировать экономическую историю Швеции через сравнение с канадскими предпосылками социальной демократии (например, сопоставив последствия глобализации) см. в работе: [Olsen 1998]. См. также работу, в которой анализ процессов глобализации сочетается с анализом изменений в классовой структуре и интересах [Clement 1994].

Однако Майлс, например, заявляя о том, что экономическая защищенность, обеспечиваемая шведским социальным государством, побудила рабочих объединиться с менеджерами и вместе бороться за увеличение производительности, не имел никаких прямых подтверждений этого. При этом в Канаде есть также социологические исследования, отличающиеся от основной массы работ и нацеленные именно на анализ последствий всего этого.

На основе данных опросов (собранных специально для целей данного исследовательского проекта и, следовательно, сопоставимых между собой) и детальных исследований трех отраслей производства, важных для обеих стран, – бумажной промышленности, сталелитейной промышленности и сектора телекоммуникаций – было выявлено следующее.

1) В указанных трех отраслях сокращения (временные или постоянные) *были* более распространены в Канаде, чем в Швеции <...>. 2) Канадские менеджеры были ограничены представителями профсоюзов в своих действиях по усилению эксплуатации рабочей силы, однако у них было больше свободы искать необходимых работников за пределами данного предприятия. 3) Канадские менеджеры могли реагировать на дефицит рабочей силы требуемой квалификации, поднимая зарплату дефицитным работникам – в то время как их шведские коллеги довольно настойчиво жаловались на отсутствие свободы в этом вопросе. 4) Хотя данные опросов показывают, что канадские рабочие скорее, чем их шведские собратья, согласятся на сокращение зарплаты, чтобы удержаться за данным рабочем месте, это различие объясняется *не* большими опасениями канадцев относительно безработицы. 5) Аналогично, несколько более позитивное отношение шведов к гибкости на производстве объясняется *не* их большей социальной защищенностью. 6) В канадской бумажной промышленности мало данных о связи социальной незащищенности и стремлении к большей гибкости (или ригидности) относительно технологий и организации труда²³. Самый общий вывод из этих исследований таков: теория о том, что защищенность ведет к гибкости, о которой говорилось во многих публикациях, канадских и не канадских, и которая столько энергично использовалась для критического анализа эффективности политики в отношении канадского рынка труда, не подтверждается данными, собранными специально для ее проверки.

Заключение

В Канаде сформировалась сильная традиция эмпирических исследований рынка труда. Работы описывают различия в качестве занятости различных категорий населения. Выделяются группы работников, попадающих на менее хорошие работы или вовсе остающихся без работы в результате действия безличных рыночных сил, которые можно объединить понятием/явлением глобализации или технологических изменений. В каждом случае канадское исследование является частью более общего исследовательского направления, в рамках которого изучаются схожие вопросы в США и других странах, где ведутся серьезные социологические исследования. В то же время есть и другая группа исследований (самые сильные из них выполнены П. Маршак и ее коллегами), в которых показывается, как ориентированная на ресурсы канадская экономика формирует трудовые практики и жизнь значительной части канадской рабочей силы. В результате всех этих исследований мы значительно больше узнали о Канаде и о ряде более общих социальных и экономических процессов, влияющих на работу рынков труда.

Во всех трех исследовательских направлениях (исследовании занятости, качества работы и безработицы, а также последствий добычи ресурсов на характер занятости) есть общий сильный момент. Во всех трех областях исследований прежде всего делается попытка

---

²³ См.: Smith et al. 1998, Smith 1999b; van der Berg et al. 2000. Данные о положительном влиянии защищенности в сфере занятости на гибкость см. в работе: Smith 1999c.

помочь «слабому»: понять, кто же находится в уязвимом положении (какие категории населения попадают на самые плохие рабочие места – до 1980-х гг. франкоговорящие канадцы, женщины, явные меньшинства, иммигранты), каковы последствия безличных рыночных сил для этих работников – менее всего способных им сопротивляться; каковы последствия интенсивной добычи ресурсов для рабочих и их сообществ. Обеспокоенность судьбой «слабого», несомненно, означает, что социологические исследования в Канаде – на верном пути. Однако такое внимание к «слабому» является и их недостатком. Обеспокоенность судьбой «слабого» легко превращается в бульдожью хватку в устремлении показать, как все плохо для всех, кроме капиталистов, – и неважно, на что указывают данные исследований.

Я не сомневаюсь, что некоторые различия в уровне оплаты труда между группами населения можно объяснить дискриминацией. Например, Ф. Генри и Э. Гинзберг показали, что именно так и происходит в случае с явными меньшинствами в некоторых сферах занятости [Henry and Ginsberg 1985]. Однако относительный экономический успех в Канаде прежде дискриминируемых групп просто удивителен – при этом он в лучшем случае угрюмо констатируется (а чаще изо всех сил опровергается) в академических работах. Евреи преодолели весьма явную дискриминацию и сейчас, в среднем, вполне преуспевают. Правильно проанализированные данные позволяют предположить, что франкоговорящие канадцы также чувствуют себя хорошо – как в Квебеке, так и за его пределами. Женщины зарабатывают меньше мужчин, однако разница стремительно сокращается. В случае явных меньшинств ситуация в сфере занятости оказывается хуже, чем у коренных канадцев, только если эти индивиды получали образование не в Канаде. Мне кажется, все это свидетельствует об открытости канадского общества – факте, который у канадского академического сообщества вызывает просто аллергию. Так же неохотно оно признает и необоснованность выводов о том, что разница в оплате труда мужчин и женщин после учета всех значимых факторов объясняется дискриминацией.

В контексте большого количества данных об образовании традиция политической экономии, основанная на теории о добыче ресурсов, демонстрирует еще одну слабость. В частности, она побудила социологов провести ряд весьма показательных исследований использования ресурсов на шахтах, лесозаготовках и в рыбном промысле. Гораздо менее удачными были попытки интерпретировать полученные результаты в макроэкономических терминах. Например, недостаточно просто показать определенную нестабильность занятости во многих сферах, связанных с добычей ресурсов. Оценка ущерба от занятости в сфере добычи ресурсов требует сравнения с альтернативными возможностями занятости: насколько преуспевали бы работники, занятые сейчас в сфере добычи ресурсов, на других позициях?²⁴ Аналогично, *действительно* можно показать, что многие важные вклады в целлюлозно-бумажную промышленность осуществляются за пределами Канады; однако само по себе это наблюдение может привести к существенной недооценке связей с поставщиками в данной отрасли внутри страны.

Вместе с моим предыдущим замечанием о последствиях бульдожьей хватки в симпатии к «слабому» данный недостаток на уровне макроэкономических выводов становится особенно очевидным в работах, написанных под впечатлением сожалений о непохожести Канады на Швецию. Да, шведский эгалитаризм во многих отношениях *заслуживает* восхищения и

---

²⁴ В этих случаях всегда полезно задаться вопросом: почему работники, занятые в сфере добычи ресурсов, выбрали эту, менее выгодную жизнь в городах, построенных на добыче ресурсов, а не поселились в метрополисе? Всегда можно сказать, что они просто ошиблись в расчетах. Однако, на мой взгляд, приписывать кому-то недостаточную сообразительность, дабы выстроить свое объяснение, следует всегда с некоторой осторожностью.

достойн похвалы. Однако следующий вывод о том, что он привел к особенно хорошим экономическим показателям, никогда не подтверждался конкретными данными. Более того, целевые исследования даже опровергают этот вывод. Это область, в которой надежда очевидно одержала верх над рассудком. Однако этим грешит не только канадская социология.

Литература

- Aitken, Hugh G. J. 1959. "Defensive Expansion: The State and Economic Growth in Canada." In Hugh G. J. Aitken (Ed.), *The State and Economic Growth*. N.Y.: Social Science Research Council. P. 79–114.
- Apostle, Richard, Don Clairmont, and Lars Osberg. 1985a. "Segmentation and Labour Force Strategies." *Canadian Journal of Sociology* 10: 253–275.
- _____, Don Clairmont, and Lars Osberg. 1985b. "Segmentation and Wage Determination." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 22: 30–56.
- Armstrong, Pat and Hugh Armstrong. 2001. *The Double Ghetto: Canadian Women and Their Segregated Work* (3rd ed.). Toronto: Oxford University Press.
- Beach, Charles M., Richard P. Chaykowski, and George A. Slotsve. 1997. "Inequality and Polarization of Male Earnings in the United States, 1968–1990." *North American Journal of Economics and Finance* 8: 135–151.
- Bernard, Richard B. and Michael R. Smith. 1991. "Hiring, Promotion, and Pay in a Corporate Head Office: An Internal Labour Market in Action?" *Canadian Journal of Sociology* 16: 353–374.
- Bertram, Gordon W. 1963. "Economic Growth in Canadian Industry, 1870–1915: The Staple Model." *Canadian Journal of Economics and Political Science* 29: 162–184.
- Betcherman, Gordon. 1991. *Employment in the Service Economy*. Ottawa: Economic Council of Canada.
- Blanchflower, David G., Richard Jackman, and Gilles Saint-Paul. 1995. *Some Reflections on Swedish Labour Market Policy*. Report to the Committee on Swedish Labour Market Policy. Stockholm: Ministry of Labour.
- Boyd, Monica. 1985. Educational and Occupational Attainments of Native-born Canadian Men and women." In Monica Boyd, John Goyder, Frank E. Jones, Hugh McRoberts, Peter C. Pineo, and John Porter, *Ascription and Achievement: Studies in Mobility and Status Attainment in Canada* [p. 229–295]. Ottawa: Carleton University Press.
- Boyd, Monica. 1990. "Sex Differences in Occupational Skill: Canada, 1961–1986." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 27: 285–314.
- Broad, Dave. 2000. *Hollow Work, Hollow Society? Globalization and the Casual Labour Problem in Canada*. Halifax: Fernwood.
- Brown, Henry Phelps. 1977. *The Inequality of Pay*. Berkeley: University of California Press.
- Budig, Michelle J. and Paula England. 2001. "The Wage Penalty for Motherhood." *American Sociological Review* 66: 204–225.
- Cain, Pamela S. and Donald J. Treiman. 1981. "The *Dictionary of Occupational Titles* as a Source of Occupational Data." *American Sociological Review* 46: 253–278.
- Canada. 1967. *Report of the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism*. Ottawa: Queen's Printer.

- Canadian Council on Social Development. 2000. *Unequal Access: A Canadian Profile of Racial Differences in Education, Employment and Income*. Toronto: The Race Relations Foundation.
- Carnoy, Martin. 2000. *Sustaining the New Global Economy: Work, Family, and Community in the Information Age*. New York: Russell Sage Foundation.
- Carroll, William K. 1986. *Corporate Power and Canadian Capitalism*. Vancouver: University of British Columbia Press.
- Clement, Wallace. 1977. *Continental Corporate Power: Economic Elite Linkages between Canada and the United States*. Toronto: McClelland and Stewart.
- _____. 1981. *Hardrock Mining: Industrial Relations and Technological Changes at INCO*. Toronto: McClelland and Stewart.
- _____. 1987. "Debates and Directions: A Political Economy of Resources." In Wallace Clement and Glen Williams (Ed.), *The New Political Economy* [p. 36–53]. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.
- _____. 1994. "Exploring the Limits of Social Democracy: Regime Change in Sweden." *Studies in Political Economy* 44: 95–123.
- _____. 2001. "Canadian Political Economy's Legacy for Sociology." *Canadian Journal of Sociology* 26: 405–420.
- _____ and Glen Williams. 1997. "Resources and Manufacturing in Canada's Political Economy." In Wallace Clement (Ed.), *Understanding Canada: Building the New Canadian Political Economy* [p. 43–63]. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Cook, Cynthia D. and Roderic P. Beaujot. 1996. "Labour Force Interruptions: The Influence of Marital Status and Presence of Young Women." *Canadian Journal of Sociology* 21: 25–41.
- Corman, June. 1990. "Dissension within the Ranks: The Struggle over Employment Practices during a Recession." *Studies in Political Economy* 32 (Summer): 85–109.
- Coulombe, Serge. 2000. *The Canada-U.S. Productivity Growth Paradox*. Ottawa: Industry Canada Working Paper No. 32.
- Davies, Scott, Clayton Mosher, and Bill O'Grady. 1996. "Educating Women: Gender Inequalities among Canadian University Graduates." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 33: 125–142.
- de Sève, Michel, and Marlen Carter. 1980. "Les inégalités salariales entre les travailleurs féminins et masculins: Effet de qualification ou effet de statut?" *Recherches sociographiques* 21: 253–282.
- de Silva, Arnold. 1992. *Earnings of Immigrants: A Comparative Analysis*. Ottawa: Minister of Supply and Services.
- Desmarais, Serge and James Curtis. 1997. "Gender Differences in Pay Histories and Views on Pay Entitlement among University Students." *Sex Roles* 37: 623–642.
- Drache, Daniel. 1984. "The Formation and Fragmentation of the Canadian Working Class: 1820-1920." *Studies in Political Economy* 15 (Fall): 43–89.
- Dungan, Peter. 1997. *Rock Solid: The Impact of the Mining and Primary Metals Industries on the Canadian Economy*. Toronto: Institute for Policy Analysis.
- Fillmore, Catherine J. 1990. "Gender Differences in Earnings: A Re-analysis and Prognosis for Canadian Women." *Canadian Journal of Sociology* 15: 275–300.

- Fortin, Pierre. 1999. *The Canadian Standard of Living: Is There a Way Up?* Toronto: C.D. Howe Institute.
- Foschi, Martha and Shari Buchan. 1990. "Ethnicity, Gender, and Perceptions of Task Competence." *Canadian Journal of Sociology* 15: 1–18.
- Fox, Bonnie J. and John Fox. 1986. "Women in the Labour Market, 1931-1981: Exclusion and Competition." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 23: 1–21.
- Fox, Bonnie J. and John Fox. 1987. "Occupational Gender Segregation of the Canadian Labour Force, 1931-1981." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 24: 374–397.
- _____ and Pamela Sugiman. 1999. "Flexible Work, Flexible Workers: The Restructuring of Clerical Work in a Large Telecommunications Company." *Studies in Political Economy* 60 (Autumn): 59–84.
- Gérin-Lajoie, Jean. 1982. *Les métaux, 1936-1981*. Montréal: Boréal Express.
- Goldthorpe, John H. (Ed.). 1984. *Order and Conflict in Contemporary Capitalism: Studies in the Political Economy of Western European Nations*. Oxford: Clarendon Press.
- Guppy, Neil. 1987a. "Labouring at Sea: Harvesting Uncommon Property." In Patricia Marchak, Neil Guppy, and John McMullan (Eds.), *Uncommon Property: The Fishing and Fish-Processing Industries in British Columbia* [p. 173–198]. Toronto: Methuen.
- _____. 1987b. "Labouring on the Shore: Transforming Uncommon Property." In Patricia Marchak, Neil Guppy, and John McMullan (Eds.), *Uncommon Property: The Fishing and Fish-Processing Industries in British Columbia* [p. 199–222]. Toronto: Methuen.
- _____. 1989. "Pay Equity in Canadian Universities, 1972–73 and 1985–86." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 26: 743–758.
- Henry, Frances and Effie Ginsberg. 1985. *Who Gets the Work?: A Test of Racial Discrimination in Employment*. Toronto: Urban Alliance on Race Relations and the Social Planning Council of Metropolitan Toronto.
- Hughes, Karen D. and Graham S. Lowe. 2000. "Surveying the 'Post-Industrial' Landscape: Information Technologies and Labour Market Polarization in Canada." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 37: 29–53.
- Johannesson, Jan. 1995. "Microeconomic Evaluations of Labour Market Policy Measures in Sweden." In Jan Johannesson and Eskil Wadensjö (Eds.), *Labour Market Policy at the Crossroads* [p. 169–181]. Stockholm: Ministry of Labour.
- Kay, Fiona M. and John Hagan. "Raising the Bar: The Gender Stratification of Law-Firm Capital." *American Sociological Review* 63: 728–743.
- Krahn, Harvey and John W. Gartrell. 1983. "Labour Market Segmentation and Social Mobility in a Canadian Single-Industry Community." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 20: 322–345.
- Laxer, Gordon. 1989. *Open for Business: The Roots of Foreign Ownership in Canada*. Toronto: Oxford University Press.
- Laxer, Robert. 1976. *Canada's Unions*. Toronto: James Lorimer.
- Leach, Belinda. 1993. "Flexible Work, Precarious Future: Some Lessons from the Canadian Clothing Industry." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 30: 64–82.
- Leach, Belinda and Anthony Winson. 1995. "Bringing 'Globalization' Down to Earth: Restructuring and Labour in Rural Communities." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 32: 341–364.

- _____ and Anthony Winson. 1999. "Rural Retreat: The Social Impact of Restructuring in Three Ontario Communities." In David B. Knight and Alun E. Joseph (Eds.), *Restructuring Societies: Insights from the Social Sciences* [p. 83–104]. Ottawa: Carleton University Press.
- Levitt, Kari. 1970. *Silent Surrender: The American Economic Empire in Canada*. New York: Liveright.
- Li, Peter S. 1988. *Ethnic Inequality in a Class Society*. Toronto: Thompson Publishing.
- _____. 2000. "Earnings Disparities between Immigrants and Native-Born Canadians." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 37: 289–311.
- _____. 2001. "The Market Worth of Immigrants Educational Credentials." *Canadian Public Policy* 27: 23–38.
- Lian, Jason Z. and David Ralph Matthews. 1998. "Does the Vertical Mosaic Still Exist? Ethnicity and Income in Canada, 1991." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 35: 461–481.
- Lindbeck, Assar. 1997. "The Swedish Experiment." *Journal of Economic Literature* 35: 1273–1419.
- Lipsey, Richard G., Daniel Schwanen, and Ronald J. Wonnacott. 1994. *The NAFTA: What's In, What's Out, What's Next*. Toronto: C. D. Howe Institute.
- _____ and Robert C. York. 1988. *Evaluating the Free Trade Deal: A Guided Tour through the Canada-U.S. Agreement*. Toronto: C. D. Howe Institute.
- Livingston, D. W. 1999. *The Education-Jobs Gap: Underemployment or Economic Democracy*. Toronto: Garamond Press.
- Mahon, Rianne. 1987. "From Fordism To? New Technology, Labour Markets and Unions." *Economic and Industrial Democracy* 8: 5–60.
- Marchak, M. Patricia. 1983. *Green Gold: The Forest Industry in British Columbia*. Vancouver: University of British Columbia Press.
- _____. 1987. "Organization of Divided Fishers." In Patricia Marchak, Neil Guppy, and John McMullan (Eds.), *Uncommon Property: The Fishing and Fish-Processing Industries in British Columbia* [p. 223–248]. Toronto: Methuen.
- _____. 1991. *The Integrated Circus: The New Right and the Restructuring of Global Markets*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- _____. 1995. *Logging the Globe*. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.
- _____, Scott L. Aycock, and Deborah M. Herbert. 1999. *Falldown: Forest Policy in British Columbia*. Vancouver: Ecotrust Canada.
- Menzies, Heather. 1997. "Telework, Shadow Work: The Privatization of Work in the New Digital Economy." *Studies in Political Economy* 53 (Summer): 103–123.
- Muszynski, L. and D. A. Wolfe. 1989. "New Technology and Training: Lessons from Abroad." *Canadian Public Policy* 15: 245–264.
- Myles, John. 1988a. "The Expanding Middle: Some Canadian Evidence on the Deskilling Debate." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 25: 335–365.
- _____. 1988b. "Decline or Impasse? The Current State of the Welfare State." *Studies in Political Economy* 26 (Summer): 73–107.
- Naylor, Tom. 1975. *The History of Canadian Business, 1867-1914, Industrial Development* [Vol. 2]. Toronto: Lorimer.

- Neumark, David (Ed.). 2000. *On the Job: Is Long-Term Employment a Thing of the Past?* New York: Russell Sage Foundation.
- Noël, Alain and Keith Gardner. 1990. "The Gainers Strike: Capitalist Offensive, Militancy, and the Politics of Industrial Relations in Canada." *Studies in Political Economy* 31 (Spring): 31–72.
- Olsen, Gregg M. 1998. "Remodelling Sweden: The Rise and Demise of the Compromise in a Global Economy." In Julia S. O'Connor and Gregg M. Olsen (Eds.), *Power Resources and the Welfare State: A Critical Approach* [p. 339–368]. Toronto: University of Toronto Press.
- Ornstein, Michael and Penni Stewart. 1996. "Gender and Faculty Pay in Canada." *Canadian Journal of Sociology* 21: 461–482.
- Panitch, Leo and Donald Swartz. 1993. *The Assault on Trade Union Freedoms: From Wage Controls to Social Contract*. Toronto: Garamond Press.
- Phillips, Paul. 1989. "Through Different Lenses: The Political Economy of Labour." In Wallace Clement and Glen Williams (Eds.), *The New Political Economy* [p. 77–98]. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Pinkerton, Evelyn. 1987. "The Fishing-Dependent Community." In Patricia Marchak, Neil Guppy, and John McMullan (Eds.), *Uncommon Property: The Fishing and Fish-Processing Industries in British Columbia* [p. 293–325]. Toronto: Methuen.
- Pomfret, Richard. 2000. "Trade Policy in Canada and Australia in the Twentieth Century." *Australian Economic History Review* 40: 114–126.
- Porter, John. 1965. *The Vertical Mosaic: An Analysis of Social Class and Power in Canada*. Toronto: University of Toronto Press.
- Reitz, Jeffrey. 1998. *Warmth of the Welcome: The Social Causes of Economic Success for Immigrants in Different Nations*. Boulder, Colorado: Westview Press.
- Robson, Karen and Jean E. Wallace. 2001. "Gendered Inequalities in Earnings: A Study of Canadian Lawyers." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 38: 75–95.
- Rooth, Tim. 2000. "Australia, Canada, and the International Economy in the Era of Postwar Reconstruction, 1945–50." *Australian Economic History Review* 40: 127–152.
- Russell, Bob. 1995. "The Subtle Labour Process and the Great Skill Debate: Evidence from a Potash Mine-Mill Operation." *Canadian Journal of Sociology* 20: 359–385.
- _____. 1997. "Rival Paradigms at Work: Work Reorganization and Labour Force Inputs in a Staple Industry." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 34: 25–52.
- Smith, Michael R. 1999a. "Insecurity in the Labour Market: The Case of Canada since the Second World War." *Canadian Journal of Sociology* 24: 193–224.
- _____. 1999b. "The Production of Flexible Attitudes in the Canadian Pulp and Paper Industry." *Relations Industrielles* 54: 581–608.
- _____. 1999c. "How the Internal Flexibility of Plants in the U.S. Paper Industry was Increased and What it Tells us about the Effects of Employment Security." *Journal of Socio-Economics* 28: 691–705.
- _____. 1999d. "What is the Effect of Technological Change on Earnings Inequality?" *International Journal of Sociology and Social Policy* 19: 24–59.
- _____. 2001a. "What Have the FTA and the NAFTA done to the Canadian Labor Market?" *Forum for Social Economics* 30 (2): 25–50.

- _____. 2001b. "La mondialisation: A-t-elle un effet important sur le marché du travail dans les pays riches?" In Daniel Mercure (Ed.), *Une société monde? Les dynamiques sociales de la mondialisation* [p. 201–214]. Québec: Presses de l'Université Laval.
- _____. 2001c. "Technological Change, the Demand for Skills, and the Adequacy of their Supply." *Canadian Public Policy* 27: 1–22.
- _____, Anthony C. Masi, Axel van den Berg, and Joseph Smucker. 1995. "External Flexibility in Sweden and Canada: A Three Industry Comparison." *Work, Employment & Society* 9: 689–718.
- Smucker, Joseph, Axel van den Berg, Michael R. Smith, and Anthony C. Masi. 1998. "Labour Deployment in Plants in Canada and Sweden: A Three Industry Comparison." *Relations Industrielles* 53: 430–457.
- Teeple, Gary. 1995. *Globalization and the Decline of Social Reform*. Toronto: Garamond.
- Trefler, Daniel. 1999. *The Long and the Short of the Canada-U.S. Free Trade Agreement*. Ottawa: Industry Canada Publications.
- Tremblay, Louis-Marie. 1972. *Le syndicalisme québécois: Idéologies de la C.S.N et de la F.T.Q., 1940-1970*. Montréal: Presses de l'Université de Montréal.
- Vaillancourt, François. 1988. *Langues et disparités de statut économique au Québec, 1970 et 1980*. Québec: Gouvernement du Québec.
- van den Berg, Axel, Bengt Furåker, and Leif Johansson. 1997. *Labour Market Regimes and Patterns of Flexibility: A Sweden-Canada Comparison*. Lund: Arkiv förlag.
- _____, Anthony C. Masi, Michael R. Smith, and Joseph Smucker. 1998. "To Cut or not to Cut: A Cross-National Comparison of Attitudes Toward Wage Flexibility." *Work and Occupations* 25: 49–73.
- _____, Anthony C. Masi, Joseph Smucker, and Michael R. Smith. 2000. "Manufacturing Change: A Two-Country, Three-Industry Comparison." *Acta Sociologica* 43: 139–156.
- Veltmeyer, Henry and James Sacouman. 1998. "The Political Economy of Part Time Work." *Studies in Political Economy* 56 (Summer): 115–143.
- Wall, Ellen. 1994. "Farm Labour Markets and the Structure of Agriculture." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 31: 65–81.
- White, Jerry P. 1990. *Hospital Strike: Women, Unions, and Public Sector Conflict*. Toronto: Thompson Educational Publishing.
- _____. 1993. "Changing Labour Process and the Nursing Crisis in Canadian Hospitals." *Studies in Political Economy* 40 (Spring): 103–134.
- Wanner, Richard A. 1999. "Expansion and Ascription: Trends in Educational Opportunity in Canada, 1920-1994." *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 36: 409–442.
- Watkins, Melvin H. 1963. "A Staples Theory of Economic Growth." *Canadian Journal of Economics and Political Science* 29: 141–158.
- _____. 1989. "The Political Economy of Growth." In Wallace Clement and Glen Williams (Eds.), *The New Canadian Political Economy* [p. 16–35]. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.
- _____. 1997. "Canadian Capitalism in Transition." In Wallace Clement (Ed.), *Understanding Canada: Building on the New Canadian Political Economy* [pp. 19–42]. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.

- Webb, Michael and Mark W. Zacher. 1988. *Canada and International Mineral Markets: Dependence, Instability, and Foreign Policy*. Kingston Ontario: Queen's University Centre for Resource Studies.
- Weinfeld Morton. 2001. *Like Everyone Else...But Different: The Paradoxical Success of Canadian Jews*. Toronto: McClelland and Stewart.
- Wells, Donald M. 1995. "Origins of Canada's Wagner Model of Industrial Relations: The United Auto Workers in Canada and the Suppression of 'Rank and File' Unionism, 1936-1953." *Canadian Journal of Sociology* 20: 193-225.
- Western, Bruce. 1997. *Between Class and Market: Postwar Unionization in the Capitalist Democracies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Williams, Glen. 1991. "The National Policy Tariffs: Industrial Underdevelopment through Import Substitution." In Gordon Laxer (Ed.), *Perspectives on Canadian Economic Development: Class, Staples, Gender, and Elites* [p. 158-191]. Toronto: Oxford University Press.
- Wolfson, Michael C. and Brian B. Murphy. 1998. "New Views on Inequality Trends in Canada and the United States." *Monthly Labor Review* (April): 3-23.